

(«отсутствие рифмы»). В этом случае логичнее говорить о прозе, так как отсутствие рифмы, разное число слогов и ударений в сопоставляемых единицах текста не создают стиховой системы. Те колебания для слогов (от 5 до 15—16) и для ударений (от 2 до 5—6), которые А. В. Позднеев допускает в кондакарном стихе, не могут свидетельствовать о наличии стихотворной формы, так как в указанных пределах они не только возможны, но и типичны для прозы, тем более что, по замечанию автора, объем стихотворной фразы определяется дыханием. Представление о кондакарной системе стихосложения не проясняется и следующим рассуждением А. В. Позднеева: «Сущность этой системы стихосложения в том, что неразложимым ее звеном является смысловая единица, образующая простейшее предложение. В эту смысловую единицу входят слова: а) основные (глаголы, существительные и т. д.), несущие ударения, и б) подсобные (предлоги, союзы, наречия) — безударные — проклитики и энклитики».¹⁵ Определение слишком обобщенное: в нем отмечаются черты, присущие не только кондакарному стиху, но и всякому высказыванию вообще. Все признаки, выдвинутые А. В. Позднеевым в качестве основных, составляющих «сущность» кондакарного стиха (заметим, что А. В. Позднеев говорит не о принципах кондакарного стиха, а более неопределенно: о сущности!), являются скорее признаками не стиха, а прозы. Таким образом, понятие кондакарного стиха — терминологическая ошибка. Поэтому нельзя на том только основании, что «Слово о полку Игореве», «Похвала роду рязанских князей» тяготеют, по мнению А. В. Позднеева, к кондакарному стиху, считать форму этих произведений стихотворной.

Представление о кондакарном стихе присутствует и в интересной работе К. Тарановского.¹⁶ Выдвигая понятия молитвословного стиха и сказового, К. Тарановский рассматривает кондакарный стих как разновидность молитвословного стиха.

«Молитвословный стих, — пишет К. Тарановский, — это свободный несиллабический стих целого ряда церковных молитв и славословий... Основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы — звательная форма и повелительное наклонение, отличающиеся от всех остальных грамматических форм и образующие особый сектор в нашем языковом мышлении... Другим средством маркирования начала строки в молитвословном стихе является синтаксическая инверсия... Итак, ритмическое движение молитвословного стиха в первую очередь строится на ожидании отменченности начала строк. Особой важностью начального сигнала в молитвословном стихе объясняется тяготение этого стиха к анафорическим повторам и акростиху... Синтаксический параллелизм в молитвословном стихе является основным структурным приемом в организации текста».¹⁷

Бесспорно, что все перечисленные автором формы и фигуры создают ритмическое движение текста. Но возражения вызывают определение текстов с описанной структурой как стихотворных и подчеркнутое противопоставление их ритмической прозе. Думается, что о молитвословном стихе можно говорить как о стихе только условно, так как в образовании его не принимают участия такие конструктивные признаки стиха, как например

¹⁵ Там же, стр. 12.

¹⁶ К. Тарановский. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII вв. — В кн.: American contributions to the sixth international congress of slavists. The Hague, 1968.

¹⁷ Там же, стр. 377—379.